

Алморзас

ВЛ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

28

**Вологда
2003**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Н. Бушнев, А. Кулябин и др	4
ЛИТЕРАТОРЫ КАДУЯ	9
«Семизерье»	9
Александр Дудкин	9
Александр Дёшин	10
Мария Маркова	11
Алексей Блинов	11
Владимир Борисов	12
Марина Гусева	13
Валерий Кузьмин	14
Илья Соболев	14
Татьяна Гоголина	15
Людмила Люлина	15
Елена Смирнова	15
Людмила Шарина	16
Валентина Пантюшина	17
Светлана Корчагина	18
В МИРЕ РУБЦОВА	20
Вячеслав Белков	20
Неизвестный Рубцов	21
ИЗБРАННОЕ	24
Галина Констанская	24
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	26
Михаил Илясов	26
«Сошествие в ад» Ю. Кузнецова	28
Вл. Кудрявцеву — 50 лет	28
Юбилей Лидии Тепловой	29
Юбилей Виктора Седова	30
Книжная полка	30
КОРОТКАЯ ПРОЗА	31
Александр Грязев	31
Ева Никитич	32
Писатели шутят	33
Николай Усанов	36
ГРАФИКА	37
Рисунки А. Башкирова	37
Экслибрисы В. Чекарькова	38

На 3-й странице рисунок Анны Мисиной из Сокола.

Стихи последних лет

Виталий СЕРКОВ

* * *

Я в прошлой жизни был художником,
И на этюды и холсты
Селились путники под дождиком
И хляби луж на полверсты.
Я не был жалован коллегами,
Они писали дам и псов,
А на мои холсты с калеками
Сходила оторопь лесов.
Друзей манила благородная
Краса, породистость особ.
Меня влекла беда народная,
Гробы из тесаных досок.
И вновь, причин грустить не ведая
И отдавая дань клестам,
Заря, их щебетом отпетая,
Ведет к мелованным листам.
Картины видятся зловещие.
Я мог бы ими пренебречь
И обойти распутья вечные,
И грусть, и правду не беречь.
Но правда хочет вознесения,
И грустью белый лист хрустит,
А за стеною дочка Ксения
Перед этюдником грустит.

Анна РУБЦОВА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Мороз рисует на стекле узоры.
И иней серебрится на ветвях.
Кругом сугробы — снеговые горы.
Катаются детишки на санях.
В лазурных небесах неторопливо,

Лениво проплывают облака.
И, некогда шумна и говорлива,
Покрылась льдом и замерла река.
Пушистый снег кружит с небес, не гася
Скрывает беды, горе, ложь, обман.
И Рождество уж скоро наступает,
Неся любовь, надежду, веру нам.

г. Вологда

Александр РУСАНОВ

СВЯТАЯ СЕМЬЯ

В даль, в блаженные края.
Вновь плывёт, плывёт ладья.
В ней — золотые Лики,
Солнечные всюду блики,
Словно виденье — Святая Семья.
Отражаясь в глади вод
Взоры устремив вперёд.
Вся Семья Святая,
Вознося молитву, плывёт.

Колыхнулись ризы чуть.
Начинает ветер дуть.
С белыми облаками,
Тихо шелестя крылами,
Вдаль пролагают им ангелы путь.
Первый ангел ликом чист,
Безмятежен и лучист,
А второй — прекрасен.
Лик его — как снег, серебрист.

Вот и берег голубой
Показался над водой.
Каждый тут Богу служит —
Розовый фламинго кружит,
В небе лазурном фламинго земной.

Вот заветная земля.
Подплывает к ней ладья.
И бесследно тает,
Как мираж. Святая Семья.

Юрий МАКСИН

А рифма сходится на грубом слове «жрут».
Оголодали что ли эти люди?
Широкий выбор. Скоро принесут,
как людоедам, — голову на блюде.

А музыка? Ну что за балаган!
Нет Моцарта на них. Грустит Сальери.
Колонна «звезд» пылит, как ураган.
Охолоните, вы не на палси.

Искусство с рестораном не сроднить.
«Быть иль не быть?» — подумайте об этом.
Легко прожрать, пропить и прозвездить,
и сделать Землю — общим туалетом.

Николай БУШЕНЕВ

О НОЧНОЙ ВСТРЕЧЕ С НЛО

В темноте густой, ночной
Что-то вьётся надо мной.

Дзинь!.. Хрусталь или фарфор?
Чей разбой?.. Здесь нету ссор...

Это что за НЛО
Низлетел мне на чело?

Не космический кошмар,
А комический комар.

Метким сплибленный хлопком,
Превратился в мини-ком...

На законном троне сна
Воцарилась тишина.

Догорают осенние дни.
Пахнет прелой листвою опавшей.
Дозвени, мой октябрь, дозвени,
Грустной песнею, в сердце запавшей

Может, боль этих дней заметёт
В ночь глухую метель, завывая.
Может, буду я вовсе не тот.
Но кем стану, увы, я не знаю.

Что я жду от студёной зимы?
И природы, и сердца смятенья,
Забывая, белой пемью и тьмой...
До разлива б дожить, до цветенья!

Артём КУЛЯБИН

БЕССОННИЦА

Как тяжело лежать без толку,
Как счастлив тот, который спит,
Когда за стенкою подолгу
Старушка с Богом говорит.

Когда смеющейся цыганкой
Блуждает ночь — мне не уснуть.
Не успокоить валерьянкой
Давно томящуюся грудь.

И ветер северный, суровый
Влетает в комнату мою,
А на часах уж полвторого,
Я от безделья устаю.

Считаю долгие мгновенья
И отгоняю глупый страх.
И жду рассвета, как спасенья,
Но стрелки дремлют на часах.

Старушка жизнь вверяет Богу,
За всё его благодарит...
Как тяжело лежать без толку,
Как счастлив тот, который спит.

Владимир СУСЛОВ

* * *

Куда же денешься от стужи?
Ну что ты делаешь, зима?
Морозной пылью тропки выюжишь,
Из снега строишь терема.
Среди пушистой белой ваты
Найдешь ли где комок земли?
Луга пушисты сном объаты,
И брызжут светом хрустали.
Березки в свадебном наряде
Замерзли, тянутся ко мне...
Чего ж грустить вам, бога ради?
Не вечен холод — быть весне!

г. Череповец

Татьяна ЛАВТАКОВА

МЕТАМОРФОЗЫ СТРАСТИ

Как пожар по сухим деревьям
Страсть неожиданная — птицей к Вам.
Но наткнулась на лёд, сдалась,
Горькой горечью разлилась.
Обожженная сжалась нежность,
За улыбкою спрячусь вновь,

Принимаю, как неизбежность,
Бесприветность и нелюбовь.
Ухожу, ведь надежда скрылась,
Не молю о пощаде вслед,
Мне не жаль, что тебе открылась,
Жаль, что нежности больше нет.
Жаль, что мир снова черно-белый,
Жаль, что в сердце сплошная грусть.
Жаль, что все, что ждёт впереди,
Знаю на сто лет наизусть.

Галина ШВЕЦОВА

УТРЕННЕЕ

Стукнет утро у дверей, -
И скажу я «здравствуй» ей.
И в ответ -
Который год! —
Ручку
Дверь мне подаст.

* * *

Прочь суету и печали
И непременный обман.
Тихо на лодке отчалию
В алый томящий туман.
Там, где лесные поляны,
Полные жизни простой.
Каждый цветок безымянный
Машет головкой: «Постой!»
И под звездою падаучей
Над беспокойной рекой
Боже! Что может быть лучше? —
«Сон золотой», покой...

г. Сокол

Александр ДУБИНИН

* * *

Вспять потекли, заболотились рски.
Было обещано в кой-то веки.
Тучам под стать изнемог человек.
Взорвано небо содранных век.
Глаз не закрыть. Не сослаться на время.
Жизнь человека — старая тема.
Тощее стадо. Рогатый пастух.
Не напрягайте душу и слух.
Бомж-попрошайка на каждом углу.
Нищему нищий своротит скулу,
Самый богатый не ходит пешком.
Смерть не объедешь. Оставь на потом.
Как ни крутись, а не вечна халява...
Эх, дождалася крутого канава!
А ведь бахвалился: «Все нипочем!»
Богу помолимся... Труп обогнем.

* * *

Наши крыши шерстит ветерок.
Шифер съехал. Промок потолок.
То-то весело... Скоро зима.
УтеплЯем, как можем, дома.
Путь, усыпанный свежей листвоЙ.
Тополь рухнул вчера вековой.
На отшибе. В избушке пустой
Ураган поработал другой...
Тополь — улицы сторожил,
Ты надолго своих пережил.
Чтобы ярко горели дрова.
Согрвая у вечного рва.

11 октября 2003

Валентин ШАГИНОВ

* * *

Над тихой рекой
Повис туман седой
И лес забрёл в него по пояс.
В природе наступил
Томительный покой.
Притихло всё, ко сну готовясь.

И звёзды высоко
Затешили ночник,
Чтоб взгляд мечтателя
В ночи не заблудился.

И я хочу,
Чтоб этот дивный миг,
Когда усну я,
Мне приснился.

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Пошли ночные холода.
Уходит северное лето,
И грустно мне, что город этот
Оно покинет навсегда.
И грустно, грустно вспоминать
Те дни, когда я был так молод,
Когда приехал в этот город,
Чтоб с ним навек судьбу связать.
И радости, и боль утрат...
Всё промелькнет передо мною.
Над остывающей Шексною
Туманы стелются с утра.
И Комбината теплый дым
К реке плывет рекою мутной...
И тянет этим грустным утром

Меня опять к полям родным.
Отец и мать, и братья там
На сельском кладбище суровом.
Там догорает август снова,
Дымя туманом по утрам.

Александр РОМАНОВСКИЙ

СУДЬБА

Взгляните, друзья, на портрет.
Это я — Александр Романовский.
Чисто выбрит, прилично одет,

Житель местный — биряковский.
По профессии механик и учителем работал.
На груди моей — орден и медали.
В жизни много дел хороших сделал.
Много грамот и медалей за труды мне дали.
В Отечественную войну танкистом был.
В гостях у смерти дважды побывал.
Стремился жить и выжить, победил.
Бог от меня смерть прогнал.
Контужен был в Литве и под Кенигсбергом.
Подлечившись, снова в строй вставал.
С большой радостью весною в сорок пятом
В городе Фридрихсбург День Победы встречал...

г. Сокол

«СЕМИЗЕРЬЕ»

Этой осенью кадуйский литературный клуб «Семизерье», организованный на базе Кадуйской районной библиотеки, отмечает своё десятилетие. Много это или мало, покажет время. За десять лет творческой работы клуб объединил более двадцати одарённых людей разных профессий и разного возраста. Кто-то отдаёт предпочтение стихам, кто-то прозе, а кто-то увлечённо пишет и то и другое.

Есть в клубе свои активисты, своё ядро, которое активно поддерживает и развивает «Семизерье». К юбилею, как правило, подводят итоги. Мы за это время выпустили четыре коллективных сборника, в разное время редакторами которых были Юрий Макарович Леднев, Галина Александровна Щёкина — вологодские писатели и редактор и составитель двух последних альманахов Петербургский писатель Евгений Васильевич Кутузов. Помимо общих сборников, семизерцы выпускают свои произведения за счёт личных средств, печатаются в областной и районной периодике.

Мы гордимся нашими молодыми авторами, которые неоднократно и безуспешно участвовали в различных литературных конкурсах, фестивалях. В частности, Артём Кулябин, Мария Макарова, Галина Ерохина, Татьяна Дёшина.

У клуба «Семизерье» есть надежда, что литературная жизнь в Кадуйском районе не остановится. Детская библиотека объединила пишущих детей — кадуйчан, учащихся школ района в клубе «Рифма». Они, несомненно, станут продолжателями лучших традиций «Семизерья».

*Марина Гусева,
председатель клуба
«Семизерье»*

Александр ДУДКИН

Живет и работает в д. Маза Кадуйского района. Автор книги стихов «Блуждание как блуд»

ЗА СУТКАМИ СУТКИ

С голодухи на ферме совхозной
бунтует скотина¹
На ступеньках крыльца магазина
от алкоголизм²
Меланхолит народ, недалече буксует
машин³
Почтальонша вручает газету
«Заря коммунизма»⁴
Мужики на мосту прогнозируют паводок
сильный⁵
Ребятишки, подслушав, задумали строить
плот⁶
Подрыхлевшие верные Богу старушки
могил⁷
Побрели навестить
(ведь родительский день)⁸

Темноты дожидается Тобик лохматый
на привязи в будке
А эпоха реформ все идет и идет по неволе,
По умам, по домам, по заросшему
соснами полю —
Непонятно, невнятно, но громко.
За сутками сутки

Я живу в деревне. Существую.
Ничего не знаю про Москву.
Спорю с Богом. Круто. Зачастую
Мизантропом пошленьким слышу.

Ежедневно дань плачу я сплину
Да брожу среди берез и хвой.
Лес растет: чтоб в нем блудить и сгинуть,
Иль искать потерянный покой.

Он воздвиг дремучие заборы,
Учредил диктаторский режим.
Понял там, как бесполезны споры
С существом слепым, глухим, немым.

Я живу в России. Понемногу.
Непутево. Попусту. Взаимы.
Верю в Бога, но не верю Богу
И боюсь, боюсь, боюсь тюрьмы.

Печка топится. Мышь пробежала.
За стеной верховодит мороз.
Одинокое года начало,
Одинокий неярный невроз.

Печка топится. Чуть обогреюсь,
Буду книги листать, а потом
Напишу письмоцо Одиссею
Иль в сгоревший библейский Содом.

Печка топится. Завтра поеду
Воровать у природы стихи,
Ворочусь я, наверно, к обеду.
Замолить попытаюсь грехи.

Печка топится. Слово не дело,
Целый день разорялся народ,
От него (не от Бога!) всецело
Я завишу, лишенный свобод.

Печка топится. Мысль убежала
Прибрежа за получкой тоска.
Печка топится. Прожито мало.
Смерть, как в детстве, нестрашно близка.

Александр ДЁШИН

Живёт в Кадус, работает следователем
онной прокуратуры.

Генриху Асафову

Наш мудрый друг.
Не уставайте жить!
Условности отбросим.
Вы, в шестьдесят — и про весну,
Я, в сорок пять — про осень.
Мне тоже хочется мечтать
И жить взахлёб весной,
А стоит ли себя сжигать
Для женщины одной?!

Но это, зная, сильнее нас,
Об этом мы не будем.
Давайте жить, творить, любить,
Ведь мы живые люди.
Когда-то Батюшков сказал:
«Пейзаж — он есть портрет»,
Вы подтвердили это нам
Татьяной Макартет.
Её удачно поместив
Средь творческих мужчин,
И я, поверьте, не встречал
Удачнее картин.
Коровки ваши — резать жаль,
Ну, а собачки — ах!
Вы показали этот мир
В сиреневых тонах.
Жаль, видеть мне не довелось
Весь творческий багаж.
Но след оставил на душе
Подарок добрый ваш.
Творцу что можно пожелать? -
Да только жить и жить.
И, не смотря на суету,
Творить, творить, творить!
Пусть верит мастеру рука,

Жизнь злобой не грызёт.
Храните образ Спартака.
И пусть Вам повезёт!

Мария МАРКОВА

Живёт в Кадуе, пишет стихи и прозу.

Среди безликой тесноты
Глаза твои – большие, грустные.
Мне полюбился нынче ты.
Воистину я стала русскою.

Отречься от чужих забот.
Навязанных и ложных истин.
Лишь твой беспечный нежный рот.
Как детский лепет, бескорыстен.

И кружатся то — тополя.
Любовь всего нужнее людям.
Ты — мой. А я теперь твоя.
Стесняться этого не будем.

Просвечивая сквозь листву.
Здоровается дом напротив.
Так привязаться к существу,
Которое любить не против!..

ИРИСЫ

Ирисы стояли в желтой вазе.
Прикусила нежную губу.
Ты казался мне опальным князем,
Полюбившим царскую рабу.

Оба мы придумали измену
Тонким граням, хрупким плоскостям,
Нас страшили эти перемены.
Словно в этой жизни мы в гостях.

Казни ли сердца тревожно ждали.
Чуда ли искали мы, мечты?
В вазе фиолетово мерцали
Первные изящные цветы.

Разомкнуты руки постели,
Разорваны сети любви.
О как мы неистово пели
О страхе, живущем в крови!
Внимали нам чуткие стены.
Спускался до нас потолок.
О счастье этого плена –
Не чувствовать скованных ног!
О как, обреченно крылаты,
Срывались в утробу сердца!
Цветы ливадийского сада
Мы рвали губами с лица.
И голос пронзительный таял,
Сожженный истомой до тла,
И рук испугавшихся стая
Мсталась в бреду до утра.

Алексей БЛИНОВ

Родился в 1970 году в Калужском районе, закончил среднюю школу, служил в армии. Живёт на родине.

Я печаль свою оставил
На соседнем берегу,
На плоту вчера отправил,
Там ее и стерегу.
Упиралась поначалу,
Не привыкла жить одна.
С кем ты горе горевала
Это время до меня?
Незаметно привязалась.
Угодил случайно в сеть.

Но без умысла старалась
Песни жалобные петь.
Только мыслью породниться
Озадачен не был я.
Если даже и случится.
Это все не для меня.
«К одиночеству готовься.
Строй — скажу — жилье свое».
Не расстроюсь, если вовсе
Позабуду про пес.

д. Стан
Кадуйского р-на

ПОТЕРЯ

Слово упало, слово разбилось,
В миг разлетелась и ничего,
Но почему же, скажите на милость,
Нам не хватает его.
Слово простое с любовью и светом,
Душу излечит дыханьем своим.
Может мы силы растратили где-то,
Не удержали, не дорожим.
Слово разбилось, обратно не склеишь,
Только замену не сразу найдешь.
Влезет проныра, моргнуть не успеешь,
Только поверишь — цена ему грош.

ОБИДА

Мы схали быстро в машине
И думали: все позади,
Что будет иначе отныне
И ветер наш пыл охладит.
Но в зеркало заднего вида
Увидел, как к сердцу опять
Тихонько подкралась обида,
Стараясь меня напугать.
Но мне это все надоело
И вот, засыжая на мост,
Носком сапога и за дело

Я ей наступаю на хвост.
Она сразу хвост потеряла,
По кочкам пустилась бежать.
Попало сегодня, но мало,
Не будет других обижать.

Владимир БОРИСОВ

Родился Владимир Николаевич в 1939 году.
В Кадус живет с 1976 г. Печатался в «Семизерье»
и др. изданиях.

ПРО КОТА

Сельные сутки нет кот.
Ушёл из дома кот.
И тишина и чистота,
и никаких хлопот.
Пока котёнком кот наш был,
немного ел и пил.
Он день и ночь играть любил,
и я его не бил.
Но вскоре наш артист подрос,
стал выбегать за дверь.
Вернётся — пистолетом хвост,
голодный, словно зверь.
Пи шей, ни капли кот не жрёт,
ждёт рыбки или мяска.
На кухне вертится, орёт,
пока не дашь пинка.
И вот куда-то кот пропал.
Сельные сутки нет.
Я без него спокойно спал,
но не спалось жене.
Тоскует без кота жена,
тревожится, грустит.
— Куда он делся, сатана? —
И всё в окно глядит.
Поняла жена кота искать,
и обошла весь двор.
— Нигде в подъездах не видать,
удрал, наверно, в бор.

В бору есть кооператив
животноводческий.
Туда наш кот и укатил
работать творчески.
Он ловит там мышей и крыс.
Наш кот не любит спать.
Недаром в детстве был артист,
любитель поиграть.
Под вечер я пошёл в гараж,
и вижу: у дверей:
сидит себе бродяжка наш.
И стало веселей.

* * *

Выпал снег, и я встаю на лыжи.
Словно в сказку, в зимний лес вхожу.
Мне понятней здесь и сердцу ближе
всё, чем в этой жизни дорожу.
Я люблю весной в лесу сосновом
отдохнуть от грохота машин,
помечтать о будущем, о новом
под оживший тихий шум вершин.
Любо мне в тени деревьев летом
встретить взглядом ландышевый цвет.
В тишине я становлюсь поэтом,
снова я люблю весь белый свет.
Лишь когда осенние туманы
на леса покатаются с полей,
грустно мне смотреть на караваны,
невеселых милых журавлей.

ИРОНИЧЕСКОЕ

На слово поверьте.
Слово как гранит.
Я ещё до смерти
Стану знаменит.
Прослыву я дерзким,
Буду воевать.
Чтобы Семизерском
Кадуй называть.

Я уже не молод,
Мне не хватает сил.
Верю, — будет город
Семизерск красив.
И через столетия
Семизерск большой
Вспомнит о поэте
С пламенной душой.

Марина ГУСЕВА

Родилась в Вологодской области. Закончила
филологический факультет пединститута. Печата-
лась в областных изданиях

ДРУГ

Плакал дождик за окном,
Слезы тихие ронял.
Друг ушел. И снова дом
Одиноким стал.
Тополь веткою продрогшей
Робко постучал в окно.
Встрепенулась. Друг промокший
Мой вернулся? — Никого.
Только дождик. Только ветер.
Только тополь шелестит.
Друг ушел в дождливый вечер.
Жду — вернется. Жду — простит.

СНЕГ

Осчастливил белый свет
снег.
Все окрасил в белый цвет
снег.
И по белому пути
След
Нас выводит через тьму
лег.

п. Кадуи

Валерий КУЗЬМИН

Родился в 1952 г. в городе Харовске. Закончил техникум связи. С 1978 г. живет в Кадус, работает инженером радиорелейной станции. Публиковался в сборниках

«Семизёр», «Аналогия харовской поэзии» и др. изданиях

* * *

О, ветер полуночный, мчащийся мимо...
Как сердце порою весенней ранимо!
Как даль широка и как небо высоко,
и строка приводят свои, а не Блока!
Пора откровений, цветов и улыбок.
Но как же твой мир — беззащитен и зыбок!

* * *

Алексю Шадринову

Как грустно, что тебя
сегодня с нами нет.
Но строчек свет живой
струится в наши души.
Прости нас, Алексей,
мальчишка и Поэт.
Отбросив скверну дней,
поверь, мы станем лучше!

АФРОДИТА ИЗ ПЕНЫ

Что-то общее у нас
было с Афродитой...
Продавали вы мне квас,
Платице открыто.
Высоко вздымалась грудь,
волосы волнами.
Очи жгучи — не взглянуть —
пропадешь с концами!

Но закрыли вдруг завод,
(что теперь не диво)
вместо кваса: «Пате вот —
разливное пиво!»
А загадка всё жила:
в чём же вы богиня?
Вдоль по улице плыла —
замирал разиня.
Я всё чаще посещал
зальчик «Афродиты».
Белой пеною плескал
с кружечки побитой.
В перебранках с матерком
двигалась работа.
Разбавлялось вечером
пиво на субботу.
Но я понял. Пробил час,
вышла мысль из плена:
с Афродитою у нас
общее — лишь пена!

Илья СОБОЛЕВ

Родился в 1972 году в селе Андога. Учился на юридическом факультете Ярославского университета.

* * *

Когда в душе моей наступит лето.
Лед в сердце отогреет навсегда.
И в снег втоптав окурки сигареты.
Опять бреду неведомо куда.
Я — волк, в метель отбившийся от стаи,
Я — спирт, что не закушен огурцом.
Я в жизни — что? Всего лишь заятая.
Поставленная пьяницей — отцом.
Я — гость, что засиделся до упора.
Хозяева уж начали зевать.
Уйду. Не бойтесь! И довольно скоро:
Тоску свою в сугробы зарывать.

Я — клоп в гробу,
Я — червь под энафотом,
Я — крот в земле сырой и не жилой,
Я — трутень, лижущий пустые соты.
Обсох стакан, потухла жизни домна.
В башке эмоций краденая взвесь.
И лучше бы забыть и не припомнить
Кем был, чем буду и на что я здесь!?

Татьяна ГОГУЛИНА

Живёт в Кадуе. Автор многих книг.

ЕЛЬ

Чернобровая, синеокая
Ель стоит одиноко высокая,
Непричесанная, лохматая,
Машет лапой своей мохнатого
И зовет отдохнуть в свою тень.
Хотя вовсе не жаркий день.
Будто сети какие поставила,
Свои ветви-руки расставила
С поседевшей уже хвоей —
То ль зеленою, то ль голубой.

Сердце свое подаю на ладони,
А ты его крепче в руках держи.
Если печально вдруг уронишь,
То не сойдутся наши пути.
Оно разобьется от острой боли
На множество мелких и крупных частиц.
Но я не хочу быть с тобою в ссоре.
Послушай, как мирно оно стучит.*

* Последняя строчка предложена Н. Рубцовым вместо «Смотри, как сердце мое горит».

Людмила ЛЮЛИНА

Учится в Череповце, первые стихи опубликованы в альманахе «Семизерье»

ОСЕННЯЯ НОСТАЛЬГИЯ

Не грусти, дорогая, не надо,
Это осень — жестокая осень.
Для кого-то она, как награда,
А тебе ж она сердце «разносит».

Листья падают — падают слезы.
Рвется жизнь, как гитарные струны.
Это осень — жестокая осень
Твою жизнь разбросала по урнам.

Кто-то плачет, скорбя, над могилой.
На часах без пятнадцать восемь.
Ты не можешь быть ласковой, милой,
Потому что на улице осень...

Елена СМИРНОВА

Смирнова Елена Владимировна, родилась в 1958г. в Вологде, окончила строительный техникум, 17 лет работает инженером-конструктором на Череповецкой ГРЭС.

Пишет стихи и песни, которые сама исполняет под гитару.

НЕ ДЕЛАЙ ИЗ МУЖЧИНЫ БОГА

Не делай из мужчины Бога. —
Земной, сердечный и простой,
он в жизни может очень много
с мужской исполнить добротой.
Когда он чувствует и знает,
как он любим,

как он ценим...

Что женщина его родная
живет лишь им.

лишь им одним...

Не делай из мужчины Бога.
А также не вини в грехах.
когда, быть может, он немного
с собой пребудет не в ладах.
С терпением женским и любовью
уход в себя ему прощай.
Живя одною с ним судьбою, -
самим собой быть не мешай!...

Не делай из мужчины Бога.
Но, если любишь, — Бог и есть!
Душою преданной премного
служить ему — почтешь за честь.
И что бы в жизни ни случилось,
И, как бы ни был путь далек, -
всегда любовь его и милость
твой главный смысл и оберег.

ЖЕНЩИНА

«Бог есть любовь...»

из Библии

Я — женщина — раба противоречий -
Послушница, бунтарка и поэт.
Я — дочь и мать в цепочке вечной.
От Евы мостик в будущее лет...
Я — русская и россиянка тоже,
И мне — Любовь — религия дана.
И суть одна — семь заповедей Божьих.
И сила — в Ней. И главное — Она.
Я — женщина, хрупка и многожильна.
Цветок и ствол, и сердце доброты.
Протест всему жестокому насилию.
Порокам беспроектной суеты.
В стремлении всего живого к свету -
Терпение и бесконечный труд...
О, Женщина!.. И ты ещё при этом
Кокетством украшаешь свой маршрут!
Улыбка снисходительно-туманна...
Походка даже с ношею легка...
О, Женщина! — От Евы и Адама
Ты превзошла себя через века...
Привыкла опираться лишь на сумки,

Которые сама же и несёшь!!!
Свои непокладасные руки -
На пульсе жизни держишь... Так живёшь...
Я — женщина, мир сложный для Мужчины.
Им принижаемый от страха издревле.
Не из ребра Я. — та же половина! -
Для жизни целой, счастья на земле.
Я — счастье неземное и земное.
Я — самая далёкая звезда,
Маяк в ночном бушующем просторе
И птица, ввысь манящая всегда.
Я — стусок жизни тёплый и пластичный.
Смола густая, мягкий пластилин:
Закалена, сформована отлично...
Я — робот... шестерёнка... исполнин!..
Просторная, как степь, — не видно края...
Так жёстко ограничена в пути,
В наивном поиске Земного Рая,
Дух неземной пытаюсь обрести...
Я — женщина, вскормившая Мужчину:
Младенца-сына, мужа своего.
Переливая мужу да и сыну
Любовь свою, как жизни естество.
Жена и мать... Любовница и святость...
Грехи — «во благо»... Даже не свои...
Всё совершенствовать, чего бы ни касалась...
Нектар любви добудет из пыли...
И вечный спор с Мужчиной —

«кто главнее»...

Но главное — не спорить, а Любить!
И этот ключ всей жизни драгоценный
Бог Женщине доверил сохранить!

Людмила ШАРИНА

Родилась в Томской области. В 1999 году вышла ее книжка «Три дня безумия». Живёт в Кадуе.

Я не знаю, как тебя зовут.
Незнакомец с карими глазами.
Что же дальше будет между нами.

И куда нас встречи заведут?
Имя я пытаюсь отгадать —
Подставляю к волосам, ресницам.
Хорошо, наверное, быть птицам —
Им не надо имя подбирать.
Был бы голубем. была бы я голубкой.
Лебедем — лебедушкой была бы,
Но небу, как по воде плыла бы.
Наслаждаясь каждой минуткой.
Человек у имени как раб,
Привязали кличкой, заклеямили.
Мы бы без него не плохо жили.
Имя не носили бы как скарб.
Не пришлось гадать бы, как зовут
Незнакомца с карими глазами.
Было бы все проще между нами.
Если имя снова не дадут.

Валентина ПАНТЮШИНА

Родилась на Вологодчине. В Кадус живет с 1980 года. По профессии бухгалтер. Выпустила книгу «Ящерица на ладони».

«ПОДАРОЧЕК» С НЕБА

Военное лихолетье молодой девчонкой я пережила в соседнем Бабаевском районе.

Немецкие самолеты постоянно бомбили железную дорогу, потом по ночам стали сбрасывать осветительные ракеты. Однажды в августе нас, активистов, собрали в сельсовете и объявили, что сброшен десант диверсантов, надо их искать. Нас проинструктировали, разбили на группы, каждая из которых получила определенное задание и участок.

В нашу задачу входило разведывать территорию нашего колхоза, прислушиваться к разговорам, заходить в каждую избу вроде бы по какому-то делу (но не всем вместе), во дворы, сараи и т.д. Смотреть, нет ли чу-

жих людей, узнавать, не видел ли кто кого незнакомое. При этом ни в коем случае не говорить о диверсантах и о своем задании, чтобы у местного населения не появилось любопытство.

Ничего подозрительного наша группа не обнаружила. Помню, осталось проверить, нет ли кого в бане. Всюду заглядывали ночью, даже в сено вилами тыкали, а вот в баню заходить никто не решался. Я преодолела страх. Затаив дыхание, тихонько вошла внутрь, осторожно пошарила руками по лавке, одновременно ногами — под лавкой. Вздрыгнула, когда под руку попало что-то мягкое. Оказалось, это веник. Обследовала полки, нащупала кочергу и ею потыкала в каменке. Никого.

Но диверсанты тогда на территории нашего сельсовета все же были задержаны. Близ местной больницы был хутор в два дома, где жила санитарка Лидия с двумя детьми. Рано утром дети увидели около их дома на изгороди парашют. Сказали деду. К парашюту, как потом оказалось, был прикреплен груз — взрывчатка, но взрослые не знали, что это за ящик, и спрятали находку в нежилой избе.

Вскоре в хутор пришли двое незнакомых мужчин в военной форме, представились командированными сюда на заготовку леса из такого-то полка. Показали документы, те были в порядке. Спросили, как дойти до ближайшего села и ушли. О незнакомцах сообщили в сельсовет, оттуда — в районную милицию и местному оперуполномоченному. Собрали группу захвата, прихватив имеющуюся малокалиберную винтовку с патронами и боевую... без патронов, пошли их искать. Обнаружили троих. Наши «охотники» подошли к военным, поздоровались, завели разговор.

Тогда у нас в стране была карточная система, но в сельской местности даже карточек не было. Хлеб в сельмаге выдавали толь-

ко служащим и командировочным по письменному разрешению председателя сельсовета. У незнакомцев все документы оказались оформлены правильно, поэтому местная власть обязана была обеспечить их хлебом. Они спросили, где сельсовет, наши взялись их проводить, а там уже ждала засада.

Как выяснилось, один из диверсантов был сибиряк, другой — казах, третий — родом с Курской области. Они были вооружены пистолетами. Задание им дали такое: взрывать железнодорожные объекты и воинские составы. У них были советские деньги, продукты (много сахара и махорки), документы на получение хлеба.

Сибиряк признался, что они попали в плен на разных фронтах. Немцы набирали в диверсионную школу советских пленных из разных лагерей. Он согласился, чтобы попасть на свою территорию.

Как мне известно, диверсионные группы в наши края немцы забрасывали не раз, в том числе и на территорию Кадуйского района.

Светлана КОРЧАГИНА

Светлане 23 года, работает на Череповецкой ГРЭС.

ПОСЛЕ КАНИКУЛ

Июнь подходил к концу. Пора экзаменов закончилась — Сережа вернулся из города, где он был полгода, в свой дом на краю деревни. Его встретили родители, друзья, которые учились в ближайшем поселке, в училище, раньше него вернулись после летней сессии, и девушка Фаина, которую он знал еще с детства. Светло-каштановые косы, серые глаза, веселая и

влюбленная. С ней было так просто общаться! Она переписывалась с ним все то время, что он жил в городе, а она училась в училище, и, казалось, ничего не просила за свою любовь, кроме дружбы. Она была так рада увидеть его снова, не сводила с него глаз, рассказывая о себе, когда они шли к реке купаться с другими девушками и ребятами.

Фаина сидела на берегу, плела венок из цветов. Рядом сидел Сергей, с улыбкой созерцая родные места: теплую синюю воду реки, желтый песок, зеленые луга и листву деревьев... Мальчишки стали брызгать водой в сидящую на берегу парочку. Фаина вскочила на ноги, прося Сергея уйти подальше от палаток. Они шли вдоль берега. Сережа почти не слышал слов Фаины, погрузившись в задумчивость. Его внимание привлек звонкий девичий смех. Он посмотрел туда и замер от удивления и восторга: светловолосая девушка в легком голубом платье вела на поводке огромную лохматую собаку чисто-белого цвета и смеялась, разговаривая с ней.

«Здравствуйте! — девушка заговорила с ними, улыбаясь не только алыми губками, но и голубыми глазами. — Вы здешние? А я здесь никого не знаю! Может, будем друзьями?» Она рассказала им, что приехала на каникулы из Москвы. Здесь живет ее бабушка.

Фаина была несколько расстроена этим вторжением незнакомки в их счастливую идиллию. Но она была снисходительна к блондинке Тане (так ее звали): все-таки девушке здесь все незнакомо, может, и одиноко, не с кем поговорить. И у нее нет такого возлюбленного, как Сережа. А в его любви Фаина была уверена, хоть он и стесняется об этом говорить. Так разве кто-то может нарушить их счастье?

Каждый день они гуляли вдвоем. Таня лишь изредка оставляла Сережу и Фаину

одних. Но вот однажды Сергей не зашел за Фаиной в условленное время. Придя к нему домой, она узнала от его матери, что он пошел на рыбалку: девушкам это неинтересно, вот он и не позвал ее.

Сергей, действительно, пошел к реке еще ранним утром. Там он внезапно встретился с Таней, выгуливавшей свою собаку. Увлечшись оживленной болтовней с девушкой, Сергей забыл, зачем сюда шел. Ему было так интересно слушать ее, ловить каждое ее слово, движение голубых глаз, подобных чистой воде, взмах длинных ресниц, видеть, как солнце играет в ее светлых золотистых волосах, падавших на плечи...

С этого дня он стал избегать Фаину, ища встречи с Таней.

Они сидели на берегу одни, не считая игравшей в стороне Таниной собачки Лайны, держались за руки, глядя друг другу в глаза, позабыв обо всем на свете.

«Я люблю тебя, — прошептала Таня, улыбаясь. — А ты?» Ее смелость нравилась Сереже. Он не видел в этом ничего плохого. Он не стал скрывать, что тоже ее любит — Наверное, с их первой встречи.

Все тайное становится явным. Фаина увидела их вместе — это было для нее ударом. Еще какое-то время после этого Сергей пытался ее найти, чтобы объясниться, чувствуя свою вину перед ней. Но

вскоре Фаина уехала в город — и он забыл о ней.

Время бежало незаметно для счастливого Сергея. Но может быть, так счастлив был только он один, слепо веря в счастливое будущее своей любви? Тане было пора уезжать в Москву. Она не обещала писать ему: «Прости, каникулы с тобой прошли весело. Но дома у меня другие друзья», — она так равнодушно чмокнула его в щеку, как по привычке делают все городские, приветствуя или прощаясь, и уехала. А как же ее любовь? О ней Таня и не заикнулась.

Сергей пошел домой один. Никогда прежде он не чувствовал себя таким одиноким, оскорбленным девичьим коварством. Какие выводы делал юноша, теряя свою первую любовь? Что любви вообще нет на свете, что он теперь всегда будет несчастным, что жизнь вообще не имеет смысла.

Он вернулся в город, в свой университет, где учился на третьем курсе.

Был день посвящения в студенты первокурсников. Сережа сидел в актовом зале с друзьями, грустно думая о том, что у них у всех есть любимые и влюбленные девушки. А у него...

Он взглянул на сцену, куда только что вышли будущие студенты, и внезапно увидел среди них робко улыбающуюся под взглядами присутствующих Фаину...

РУССКИЙ ГЕНИЙ

Николай Рубцов — крупнейший русский поэт второй половины 20 века. Сегодня это понимают многие. Конечно, он наш земляк и современник, но принадлежит он всей России и всем временам. И даже всем народам, хотя он глубоко национальный поэт, русский гений.

Книги Рубцова и работы о нем выходят каждый год, он самый издаваемый и читаемый русский современный поэт. Его живая поэзия привлекает миллионы читателей. Слегка изменив строки самого Рубцова, мы могли бы сказать о нем:

*И, как живые, в наших разговорах —
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Рубцов...*

Стихи поэта вошли в школьные и вузовские учебники и хрестоматии. Ставятся памятники Рубцову, создаются его музеи и Рубцовские центры по всей стране. Ширится, я бы сказал, народное рубцовское движение по всей России. Это еще раз показали «Рубцовские чтения», прошедшие недавно в Николе, куда съехались любители поэзии со всей великой России, даже с Дальнего Востока, где все русское особенно зажато. А если поэзией Рубцова мало интересуются ученые мужи, — так это их проблема и беда.

С трудом воспринимают Рубцова и наши либералы-западники. А если кто-то из них и понимает величину и значение нашего поэта, то все равно имя часто произносит сквозь зубы. Я мог бы назвать нескольких литературоведов, которые в советские времена писали о Рубцове хорошие статьи, а теперь замолчали — как будто по чьей-то команде. Едва ли мы встретим имя поэта в газетах «Культура» «Известия», в журналах «Новый мир», «Звезда» (названия-то какие революционные!) и т.д. А газета «Коммерсант» просто опозорилась, напечатав заметку о нем низжайшего уровня.

Но Бог им судья. Пластически гармоничные, пронзительные, мощные стихи великого Рубцова продолжают жить в сердцах! Его поэтический подвиг — залог будущего духовного возрождения России!

Вячеслав БЕЛКОВ, писатель.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Недавно в солнечный день августа в знаменитом селе Никольском Тотемского района прошли очередные «Рубцовские чтения». Почтить память великого земляка, поговорить о его творчестве съехались любители поэзии буквально со всей России — из Москвы, Питера, из Вологды, Череповца и Сокола, из Мурманска, Дзержинска и других мест. Конечно, были тотьмичи. А три женщины преодолели долгий трудный путь с Дальнего Востока.

От Вологодской писательской организации были Александр Грязев и Вячеслав Белков. Присутствовала дочь поэта Елена Николаевна. Чтения хорошо организовали сотрудники Тотемского музейного объединения. Запланировано было двадцать докладов, но желающих выступить оказалось гораздо больше. Вед чтения вологодский писатель Вячеслав Белков, лауреат Всероссийской премии «Звезда полей». Кстати, его доклад на этом поэтическом форуме назывался «Рубцов и Пушкин».

Музей Рубцова, где проходили чтения, не раз сотрясали аплодисменты. Наверное, люди не только приветствовали известных знакоков жизни и творчества поэта, но и благодарили самого Рубцова за то, что он собрал их вместе и своими стихами всегда поддерживает нас духовно.

Запомнились выступления В. Притчиной из тотемского музея, А. Поталовой из Дзержинска, Л. Федуновой из Петербурга, Т. Абрамовой, тоже из Питера, руководителя литературного музея. Москвич Юрий Кириенко предложил восстановить мост в Николе. Своим богатым опытом поисковой работы поделились З. Дубинина из города Артема и М. Полетова из Москвы. Интересно выступила директор Никольской средней школы В. Игошева и другие.

Все говорили о Николае Рубцове как о нашем живом современнике. Стихи нашего поэта действительно живут в народе. Сегодня он самый издаваемый и читаемый поэт России 20 века. И ширится настоящее рубцовское народное движение — не только ученые пишут и говорят о поэте, но сотни и тысячи простых читателей.

В финале Рубцовских чтений их участники посмотрели концерт народных художественных коллективов. А потом отдохнули у ночного костра, где звучали песни Рубцова в исполнении В. Громова, Ю. Кириенко, Э. Любенко и других певцов и бардов.

Виктор СОКОЛОВ

НОВОЕ О РУБЦОВЕ

Недавно материалы о Рубцове передал в московский музей поэта писатель Н. Попов, из своего архива. Часть из них мы сегодня показываем, копии их передала в журнал М. Полетова. Они не требуют особенного комментария. Жаль только, что 2 стихотворения (одно о Гоголе) сохранились не полностью.

В. Б.

г. Вологде,
Ул. Ленина, 17,
Союз писателей
Белову Вал

Прочитал, интересное
дело. Очень радостно.
спасибо. ~~Мне~~ Будь здо —
ров родн бога = Рубуло =

И вдруг подумав он: о как напрасно!
Но ничего не стыжась в злато...
Года прошли. Дымом выходит в небо
Стелет изба простая на земле.

К окну идут изыбные березы...
В край далеком, в голубой тени
Силу за книжкой гоголевской прези
Как думу жжет огонь его думи!

Мы тоже ничем широки, да уже,
Завидую никому: "Чуж, удал!"
Забыв о том, что Гераль "Мертвым дунам"
Ливую думу всю, как есть, отдал.

Я уезжал... Мучит тайна.
Однажды на заре проснусь
И золотое имя: Тая
Под звон листьев произнесу.

А между тем на всю планету
Всю востер колода наду...
Тоскую, в Волоху поеду
И этот чудный взгляд найду.

Живые силы хлынут в кини.
И опьянею я слегка...
И может быть, впервые в жизни
растает на душе снега...

Галина КОНСТАНСКАЯ

Галина Васильевна родилась в Белозерском районе. Образование высшее. Выпустила 4 поэтические книжки. Печаталась в журналах «Автограф», «Окраина» и др. Живёт в Череповце, одна из самых талантливых поэтесс города.

ГАЛИНА
КОНСТАНСКАЯ

Течение

Череповец
Окраина
2003

Я помню предыдущее рождение.
точнее — жизнь, точнее — воскрешенье.
Я — мальчик. Мама. Папа. Брат с сестрой
Прекрасная усадьба под горой...
О, Боже, как воспоминанья ярки:
тенистый сад, скамьи, аллеи в парке.
Мне десять лет. Фамилия — Фролов
Век — восемнадцатый. Провинция. Тамбов.

Я устала, устала, устала...
Бьюсь об стену больной головой.
Может, боги сойдут с пьедестала,
наконец-то услышав мой вой?

Как разбиты мои дороги...
Как неважны мои дела...
Только вряд ли сумеют боги
сделать то, чего я не смогла.

Помолюсь им, скорей привычно,
Чем с размаху о пол головой...
Будет утром все, как обычно,
И решать все придется самой.

БЕССОННИЦА

Пересчитала всех слонов
По потолку идуших.
В уме сложила семь стихов -
Серых и тшедушных.
Пересчитала все тик-так,
Вслед за часами тикая.
Но сон ко мне не шел никак.
Пришел лишь кот. Мурлыкая.
Улегся на большую грудь,
Занел свои муры-муром.
Я, наконец, смогла заснуть
Спокойным, крепким сном.

* * *

Завалило город снегом
Щедро и неистово.
Как одна на свете белом
Я зимой на пристани.

Белый снег, сиянье солнца.
Одинокие следы,
Заколочены окна
С отраженьями воды.

А вокруг морозно, пусто,
Глупых чаек не видать.
И одной нелепо грустно -
Пароход зимою ждать.

Пристань тоже одинока.
Жмет холодный, толстый лед.
Неприятная мороза -
Ждать весенний ледоход.

Через снежные завалы
Ты приди ко мне, мой друг,
Неужели все причалы
Созданы лишь для разлук?

* * *

Мне так хотелось вырваться из круга
Пустых хлопот и горьких сигарет
И, ощущая рядом локоть друга,
Пойти дорогой радостных побед.

Не получилось. Локоть не надежен.
И круг мой превращается в спираль...
Я снова подчиняюсь воле Божьей.
Как жаль, что все закончилось.

Как жаль...

* * *

Меня соседка пригласила в баню.
Мол. Галка, через часик приходи.
Я морсик клюквенный сварганю,
Ты веничек покрепче прихвати.

А в русской бане пахнет словно в храме,
И дух стоит берёзово-печной.
По-чёрному топила баню мама.
И также пахла лесом и свечой.

.. Я на полке, вся в листьях и в нирване,
Глаза мне заливают сладкий пот.
Я сочиняю оду Русской Бане.
Соседка снова пару поддаёт!

Михаил ИЛЯСОВ

«В МИНУТЫ МУЗЫКИ ПЕЧАЛЬНОЙ НЕ ГОВОРите НИ О ЧЕМ»

Смерть — величайшая из всех земных трагедий. Но все-таки следует помнить, что знаменитое римское выражение *totum est mori* по своей сути означает: помня о смерти, не забывая о жизни. Ведь нельзя же все свои мысли посвятить своему уходу из жизни, поскольку на солнце и на смерть невозможно смотреть в упор. Народная мудрость права. Поэтому культура за тысячелетия выработала особые ритуалы, посвященные этому событию. Если религия придает смерти особый смысл, то искусство самодостаточно. Оно существует по своим законам. Многие живописцы, скульпторы сделали скорбь, смерть темой своих произведений. Среди них много шедевров. То же самое в музыке. Например, «Реквием» Моцарта. А литература? Нет ни одной значительной книги, где бы не описывалась смерть, гибель кого-либо из героев. Трагедия, как считали древнегреческие философы, рождает катарсис, за которым следует очищение. То есть жизнь для человека становится более приемлемой. Оттого и реальная смерть, благодаря теме скорби в искусстве, делается не столь жестокой. Смерть ужасна. Тем не менее великие образцы искусства, рассказывающие о ней, могут принести эстетическое наслаждение. Многие старинные кладбища украшены скульптурами и памятниками, до сих пор не потерявшими своего культурного значения. По крайней мере в Александро-Невской лавре не испытываешь такого страха, возникающего всякий раз у любого нормального человека на обычном кладбище. Там оно даже называется по-другому — некрополь. Можно ходить среди скульптур, читать поэтические надписи, эпитафии и проникаться ощущением нереальности. Писатели, художники, общественные деятели умерли давным-давно. Их могилы напоминают страницы учебника истории. Крутом предместы искусства. А раз искусство, значит, фантазия. Тогда, может, и самое печальное в жизни — тоже выдумка?

«Неужели я настоящий,

И, действительно, смерть придет?»

(О Мандельштам)

А некоторые готовы примириться. Но как?! Писатель Владимир Солоухин рассказывает в одной из своих книг о том, какое громадное впечатление на него произвели православные песнопения. «Под такую музыку и умереть не страшно», — говорил он.

Но есть другая сторона проблемы. Одно дело смерть как тема искусства и философской мысли. Они осмыслиют, а мы знаем — лабиринт сознания сложен. И иное — смерть как факт реальной, обыденной жизни. Здесь нужна мера. Жить надо по возможности весело. Поэтому по большому счету относиться к смерти серьезно не стоит. Серьезность лишь способна доставить немало грусти. Взамен человек ничего не получает. Веселый тоже, но, по крайней мере, у него больше хорошего настроения. Как знать, может, это и есть самое важное в жизни. Французский писатель Альберт Камю написал в записной книжке: «Я не устаю поражаться «развеселому» виду, который принимает в Алуире все, что имеет отношение к смерти. Ничто не кажется мне более оправданным. Что может быть смехотворнее события, обычное сопровождение которого — бульканье воды в горле и пот градом. Что может быть глупее благоговейного отношения к этому событию. Нет ничего «презреннее, чем уважение, основанное на страхе». Сегодня человека постоянно унижают, разрушают его психику, показывая по телевидению смерть. Иногда за день на телеэкране совершаются десятки убийств. Частое упоминание о смерти превращает человека в скотину. Однако специалисты по рекламе утверждают, что зрелище смерти возбуждает внимание и интерес зрителей, что человек с удовольствием узнает о смерти другого, так как сам-то в это время продолжает жить. Средняя французская газета «Комба» обычно помещает 87 сообщений о смерти в день. Редакторы пользуются кощунственным методом подсчета «цен-

ности» сообщения о смерти. Так, «высокопоставленный чиновник» обладает ценностью, равной 0.5 от ценности смерти, загадочное убийство без видимых причин равно по ценности двум смертям. Такое же убийство высокопоставленного чиновника имеет ранг 4.5. В российских СМИ происходит то же самое, но с удесятерненным размахом. Естественная убыль населения — миллион человек в год. Невиданный разгул преступности. Оттого в прессе идет лавина сообщений о смерти. Но далеко не все серьезные газеты в России постоянно дают информацию о кончине кого-то. Пескороги были всегда в прессе, и в царской России, и при Советской власти. Но центральные газеты сообщали лишь о смерти известных, выдающихся людей. В настоящее время абсолютный рскорл по информации о смерти держат районные, провинциальные газеты. Городские издания, например, наши череповецкие дают информацию только о криминальных происшествиях. Редакторы этих газет, на мой взгляд, поступают совершенно правильно. Скажем, если газета «Курьер» отдаст целую полосу под скорбный список, то никто не будет ее читать. Кому охота настроение себе портить? Но и город не всегда выдерживает правила хорошего тона. Не один месяц подряд по вологодскому областному радио шла реклама похоронной фирмы «Нитрон». Услуги «Нитрона» всюю рекламировал и череповецкий 12 канал. А ведь это безнравственно напоминать людям, что они бренны. «Вы можете у нас приобрести все необходимое», — замогильным голосом вещают рекламщики. Кажется, еще немного и они продолжат: «Наши гробы самые лучшие, лежать в них — одно удовольствие. Очень ждем, когда вы поскорее дадите дуба».

Однако с районной прессой ничто не сравнится. Соболезнования унылой чередой идут почти в каждом номере. Почему? На мой взгляд, основная причина кроется в следующем: провинция значительно менее культурна, чем город. Когда-то аристократические правила при встрече двух людей запрещали им говорить о собственных болезнях и несудачах. Затем жизнь людей стала открытее, и барьеры были убраны. Хотя кое-что от этой традиции осталось, и сей, по-видимому, следует город. Учитывать надо и другое. Город требует от человека постоянной активности, жизнеутверждения, здесь и так много стрессов. К чему излишние? Провинциалы же мало задумываются над тем, какую тяжелую психическую травму может нанести чье-то соболезнование. Какое бы ни было у читателя солнечное, веселое настроение, оно вмиг исчезнет, узнай он о кончине кого-то. Соболезнование родственникам сделать необходимо — это долг. Но зачем об этом знать всему поселку и городку? А провинция еще любит благодарить и за организацию похорон. Хотя спасибо здесь приобретает трагикомический оттенок. Публично о таких вехах говорить не принято — это нарушение культурных норм. Культура требует от факта смерти потаенного. Религия тут говорит о таинстве. В газетном же сообщении смерть человека низводится до рядового, вполне никчемного события. Внизу соболезнование, а в середине полосы объявление о продаже поросят и обмене квартиры. И тут же поздравление со свадьбой, юбилеем. Как замечательно сказал Рубцов: «В минуты музыки печальной не говорите ни о чем». Мне кажется, редакторы газет и рады были бы не ставить столбцы соболезнований, но над ними довлелет многое и главное, общественное мнение. Провинциалы упрямы. Всех извещу о смерти близкого родственника, лишь у веселости.

Психологи считают, что повышенный интерес к смерти является признаком нскрофилии. Поэтому на проблему надо смотреть шире. А может, вовсе не случайно наш народ выбрал такой общественный строй, при котором ежегодно теряется миллион человек. Например, для Маркса капитал был символом прошлого, овеществленного накопленного труда, а труд был проявлением человеческой энергии, жизни. Выбор между капитализмом и социализмом (как он его понимал) зависел от того, кто (что) кого победит (что возьмет верх) — мертвое и живое. Россия выбрала капитализм, то есть мертвое. Вот откуда такая любовь давать соболезнования в газету. Но, право, жаль, что теперь оптимисты и жизнелюбы стали редки в России. Хмурые, пьющие мужчины, хмурые, агрессивные женщины. Французский философ Ален писал: «Если бы меня какой-нибудь тиран заточил в темницу, я бы положил за правило каждый день смеяться».

н. Кадуя

Краткое содержание поэмы Юрия КУЗНЕЦОВА «СОШЕСТВИЕ В АД»

Журнал «Наш современник» опубликовал новую поэму известного московского поэта Ю. Кузнецова. Герой поэмы, то есть поэт, спускается в ад с самим Христом. Но сначала Христос отправляет в рай Иоанна, Лао-Цзы, Прометея и нек. других.

А кого же герои поэмы встречают в аду? Сначала они видят в вечных муках западных деятелей: Нерона, самого Данте, Бокаччо, Гутенберга, Фауста, Нострадамуса и других. Затем они видят в адских муках наших российских злодеев — М. Скуратова, Ивана Грозного, Степана Разина, Мазепу, Петра Первого, Пугачева... Впрочем, тут же попадаются и еще иностранцы — Шекспир и его герои. «пошлый Вольтер», Руссо, де Сад, масоны, создатели «американской фикции прав человека», даже Гегель и Дарвин.

Но самое интересное — это русская литература и политика, вплоть до наших дней. В ад поместил автор (или не автор?) и Белинского, и Герцена, и Гоголя, и Толстого (тут же, кстати, и К. Маркс), и Тютчева. Не говоря уже о Троцком, Ленине, Свердлове, Соколове. А рядом — Власов, немцы, Хрущев, Сахаров, Солженицын (ныне здравствующий), Ельцин с Чубайсом, подписавшие расстрельное письмо Д. Лихачев, В. Астафьев и др.

А вот Тарас Бульба попал в рай, трубка же его — в ад, ее курит там Сталин. Кстати, меньше всего досталось, пожалуй, Сталину и Гоголю. О них сказано примерно одинаково: «Все-таки Бог его огненным оком призрел: раньше по плечи, теперь он по пояс горел...» Видимо, это связано с сегодняшним осмыслением роли Сталина как создателя и укрепителя мощной державы. А больше всех досталось изменнику Горбачеву, он упижен даже тем, что не назван по имени и фамилии. И еще герой поэмы дал ему в морду... Целиком попадает в ад Чечня, — видимо, за работоторговлю и большую гордыню (великий грех).

Поэма Ю. Кузнецова (НС, № 12, 2002) написана мощно и звучит актуально («собственность — это забытый грабеж»). Она перекликается стилистически с ранними поэмами поэта, и с его недавними произведениями о жизни Христа.

А уж судить о содержании ново! поэмы мы не будем, Бог пусть судит. «Господи Боже Иисусе, помилуй меня!»...

В.С.

Из выступления на юбилейном вечере Вл. КУДРЯВЦЕВА

Ну вот, и Владимиру Кудрявцеву — 50! Наше поколение 40-летних писателей постепенно становится поколением 50-летних. Никуда не денешься, жизнь идет. Если бы я стал перечислять даже самых талантливых поэтов нашего поколения, то и тогда пришлось бы назвать более десяти имен. Михаил Карачев, Лидия Теплова, Василий Мишенин, Наталья Сидорова, Юрий Макси, Александр Пошехонов, Елена Саблина и другие. Все они печатались и печатаются в журнале «Автограф», выпустили свои книжки стихов. Очень сильные поэты. А лидером этого поколения можно назвать Владимира Кудрявцева. Он по натуре лидер и, как говорится, больше чем поэт.

Жаль, что в Москве наше поколение мало известно. Кто от этого теряет? Думаю, что потери взаимны — и Москва теряет и наши авторы... Время не очень благоприятное для поэзии...

Поколению, о котором я говорю, было трудно пробиваться. Ну, вы сами посудите — кто стоял перед нами? Яшин, Рубцов, Романов, Белов, Фокина.

С ними трудно конкурировать. Легче спрятаться за их широкими спинами. Но трудности закаляют характер. И тут Кудрявцев — самый яркий пример. Посмотрите — железный человек! Но, это снаружи, а внутри — лирик, поэт, тонкий ценитель искусства и литературы. И философ. И лучше всего, если я покажу это стихами Владимира Кудрявцева, и закончу стихами:

*Живу, не горбясь — в полный рост.
Сужу себя по жизни строго —
Пусть устлана моя дорога
Шипами от врученных роз...
Еще сплит оркестров медь
И лезть закладывает уши, —
Знать, не готов я песню спеть
Ту, чтобы выразила душу...*

С праздником тебя, дорогой! Многая лета!

Вячеслав Белков

ДУША ЛИДИИ ТЕПЛОВОЙ

Вологодская писательская организация сердечно поздравляет с юбилеем своего товарища по литературному цеху, талантливую современную поэтессу Лидию Михайловну Теплову. Уже первые публикации стихов Лидии Тепловой обратили на себя внимание не только вологодского, но и всероссийского читателя.

Абсолютная открытость миру и щмящая любовь ко всему сущему на родной земле — будь то игица, река, ягода, трава или старый деревенский мост, — вот истоки творчество Лидии Тепловой. Сила проникновения в мир русской природы у поэтессы настолько глубока и естественна, что верится, будто трепетная душа Лидии Тепловой прежде чем воплотиться в человеке, пребывала либо в живой плоти соснового бора, либо в опьяняющей своими терпкими ароматами летней луговой траве...

Стихи Лидии Тепловой, созданные в традициях русского фольклора, зримы и памятливы, как все родное и близкое. Тому полное подтверждение — новый сборник стихотворений поэтессы «Песня травы».

Друзья-писатели желают Лидии Михайловне Тепловой доброго здоровья и, конечно, новых стихов, поэтических открытий.

Вологодские писатели

ЮБИЛЕЙ ВИКТОРА СЕДОВА

Знаменитому вологодскому художнику Виктору Константиновичу Седову исполняется 60 лет!

Он прекрасный живописец, тонкий колорист, мастер картины. Смелость и новаторство всегда отличали Виктора Седова. Его цветные линогравюры, например, стали новым словом в нашем искусстве.

Живи долго, дорогой Виктор! Работой по-прежнему, как всегда много, хорошо и увлеченно.

В. Б.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Глеб Горбовский. Собрание сочинений, том 1. Стихотворения и поэмы 1953-1963 годов. С.-Петербург, 2003.

Вячеслав Белков «Рубцов сегодня», Вологда, 2003. Очерки и размышления. В качестве иллюстраций использованы автографы Рубцова. Новая книжка вологодского писателя.

Алексей Ганин «Судная труба», стихотворения и поэмы, Москва, 2003. Автор предисловия — Сергей Куняев.

Юрий Малоземов «Пожарные записки», Вологда, 2003. Короткие веселые зарисовки из жизни. Первая книга автора.

Галина Констанская «Камушки», стихи, Вологда, 2001. Талантливая поэтесса, живет в Череповце. Предисловие Валерия Анохина.

Александр Кругликов «Продолжается времени бег», стихи, Череповец, 2003. Вошли стихи 1972-2002 годов.

«Автограф». № 27. Литературно-художественный журнал. Авторы номера — Ю. Максим, Г. Констанская, А. Пошехонов, Т. Лавтакова, В. Шагинов, А. Дудкин и др. Воспоминания о Рубцове, Свиридов о Рубцове. Лауреат журнала — Виталий Серков. Проза А. Дубинина, В. Белкова и других. Графика Тамары Нуйя. Эскизбрисы для В. Гамаюновой.

«Звезда полей», Москва, 2003. Альманах составлен по материалам участников 2-го всероссийского творческого конкурса, который проводит Рубцовский центр СЗАО г. Москвы. Составитель Ю. Кириенко-Малюгин.

М. Полетова «Н. Рубцов. Малоизвестные факты биографии», Москва, 2003. Книга-альбом о великом поэте.

«И буду жить в своем народе...», Петербург, 2003. Сборник материалов и стихов, посвященных Рубцову. Выпущен библиотекой жмени Николая Рубцова. Редактор Т. А. Абрамова.

«Рубцов и музыка», библиографический указатель, Вологда, 2003. Выпущен обл. детской библиотекой, составители указателя Л. Богданова и Л. Пелевина. Редактор Н. Шилова.

«Остров», выпуск 12-13. Петербург, 2003. Многие материалы альманаха посвящены Рубцову. Редакторы — С. Сорокин, Ж. Бурковская, Е. Залманов и Э. Маркова.

Александр ГРЯЗЕВ

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ 45-ГО...

Каждое лето я гошу в городе у деда Ивана и бабушки Марфы со стороны отца. Город этот — большая узловая станция Буй, через которую идут поезда на Урал и в Сибирь, в Москву и Ленинград. Там всегда много людей и всего интересного. Мы с моими городскими приятелями, а особенно с нашим соседом Гошкой Царёвым, каждый день бегаем на станцию. Нас больше всего привлекают товарные поезда с разбитой военной техникой, которую, мы это знаем, везут в переплавку на уральские заводы.

На открытых платформах этих эшелонов обгорелые танки, искорёженные машины, артиллерийские орудия, груды разного лома. Но для нас всё это интересно, и мы лазаем по платформам, обследуя каждую, достойную нашего внимания машину.

Вот на платформе стоит разбитый немецкий танк. Мы с каким-то страхом забираемся внутрь его. Но там ничего страшного нет. Только грязные от копоти борта, на которых узкими полосками выступают какие-то белые таблички с чёрными нерусскими буквами на них.

...Там же на станции мы увидели однажды пленного немецкого солдата. В длинной шинели с поднятым воротником он стоял у большого ящика с отбросами и тщательно копался в его содержимом. Вид его был жалок, но жалости мы к нему не испытывали. Впро-чем, ненависти тоже.

...На обратном пути со станции мы заходим во двор бывшей школы, а сейчас военного госпиталя. На крыльце и в садике бело от рубах ходячих раненых. Среди них у нас есть много знакомых. Они расспрашивают нас о чём-то. Потом просят сбежать то ли на вокзал, то ли на маленький рынок рядом со станцией и мы, сломя голову, мчимся выполнять поручение.

...Вечером приходит с работы брат отца дядя Коля, и мы опять идём на вокзал. Только теперь совсем по другому делу... Возвращаются домой фронтовики, и дядя Коля, сам недавно вернувшийся с войны, почти каждый день ходит на вокзал посмотреть, кто из его друзей уцелел и вернулся. Он всегда берёт меня с собой. Дядя Коля — хороший гармонист, и часто мы несём на вокзал его трофейную гармошку — голубое перламутровое чудо.

На вокзале полно военных. Сплошные гимнастёрки. Погоны, фуражки. Таким я его и запомнил — вокзал сорок пятого года. Я не знаю, многих ли из друзей своих встретил в те дни дядя Коля, но помню, что такие встречи были. Тогда он сразу же брал в руки гармонь и в шумной вокзальной суете раздавались звонкоголосые весёлые переборы. Вокруг нас тут же собиралась большая толпа народа, и долго в такой вечер плясали и пели фронтовики, счастливо смеялись и плакалиждававшиеся своих отцов, братьев и сыновей горожане.

Вспоминая это, я думаю, что дядя Коля, приходя со своей трофейной гармошкой на вокзал, не просто играл плясовую. Он делал ещё более ошутимей этот великий праздник солдатского возвращения с войны. Для себя, для своих друзей, для всех, кто был тогда на вокзале.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Родина лечит... В этом убеждаешься всякий раз, когда побываешь дома на родной земле, если, конечно, ты живёшь вдалеке.

Воспоминания детства и юности — твои неперенные спутники во все дни и во всех местах, куда бы ты ни шёл: вот здесь мы, мальчишки, любили загорать на острове посреди реки и здесь же проходили все наши игры, туда, вниз по реке, мы обычно ходили на рыбалку до самой Поповой пропасти.

А вот моя школа — бывшие игуменские палаты древнего монастыря. Я помню, как пришёл сюда в первый класс, как писали мы на случайных бумажках: оборотных сторонах каких-то квитанциях, между строчек каких-то брошюр. Шёл последний год войны и тетрадей у нас не было, и букварь был один на четверых. Я помню, как проходил наш выпускной вечер в нашей школе, когда мы после седьмого класса покидали её.

Почему же родина лечит?

Мне думается потому, что там на твоей малой родине — в деревне, посёлке, районном городке или на улице большого города — все твои заботы, горести жизни и работы отступают далеко-далеко. Порой даже кажется, что их и нет вовсе. Ты вдруг с радостным удивлением замечаешь, что есть, живёт и здравствует та другая жизнь, с которой ты когда-то вольно или невольно простился и которой тебе всегда не хватало.

Стой же радостью ты отмечаешь, что как бы трудно ни было в жизни, ты можешь быть принят своей родиной. И, если ты перед ней чист, тебе будет здесь всегда хорошо и спокойно. И ты всякий раз будешь благодарно говорить: спасибо тебе, родная земля.

Не это ли чувство назвал когда-то поэт «памятью сердца».

Ева НИКИТИЧ

ЧУЖИМ УМОМ ЖИТЬ — В ДУРАКАХ БЫТЬ

Ой, подружки дорогие, хочу поделиться с вами своим горьким опытом, что не надо на чужих глядеть, — а своим умом жить. Модно нынче стало в сауны ходить, — кого не спросишь — все ходят, а я рыжая что ли. Вот пристроила и меня подруга в эту сауну, да и бассейн. Денег не много сначала надо было, а потом пошло-поехало.

Дамы, что в сауну ходили все непростые, одна бизнесом заведовала, другая цветами, третья — туризмом, а четвертая вообще — директор. Девки-то хорошие, но как говорится в пословице: «Какие сами, такие и сани». Одеты саунишницы все как «с иголки». У одной шуба из снога, у другой — из песка, у третьей — из норки, у четвертой — из шиншиллы, а у меня пальто на рыбьем меху.

Мне, конечно, обидно за себя стало. Вот я к мужику своему Васе с претензиями, что я хуже других, что ли — покупай шубу, дубленку, на худой «конец». Он говорит: «Ты, что говорит, Маша, сдурела вконец. Этих денег мне на четыре шипованных колеса хватит». Ну, тут я ему и говорю: «Свою железяку, т.е. машину больше жены родной любишь, а я, между прочим, больше половины на ее заработала». Тут ему крыть нечем. Короче вместо колес купили мне полушубок с капюшоном.

Так ведь на этом дело-то не закончилось. Кажинный раз что-нибудь новенькое в сауне услышишь, — то одна саунищица была в Париже с мужем неделю, то другая в Испанию с дитем собирается, а третья с симпозиума возвратилась, вся в обновах пришла, как елка новогодняя разнаряжена. А я дальше Хемаллы, где у нас дача, и сроду не бывала.

Ну, женщины опытом обмениваются, а я опять же сижу молчу, сказать-то нечего. А как домой пришла — сразу к Васе и вопрос ребром: «Почему все порядочные люди за границы ездят, а мы дальше дачи никуда». А он мне говорит: «Маша, ты в сауне своей перегрелась вконец, у тебя разжижение мозгов сделалось. Ты знаешь, сколько путевка в этот самый Египет стоит? Мне свой «жигуль» продать — и то не хватит. А вот к родне в Коряжму пожалуй стоит съездить — 20 лет собираемся». Я ему говорю: «Сам и поезжай в свою Коряжму, а я деньги на Египет буду копить, чтобы было что вспомнить». Начала копить, 600 рублей отложила.

А тут пришла в сауну подруги, а там мои товарки кремами стали хвастаться. А у меня крем самый что ни на есть простой — черный жемчуг «Чистая линия» называется. 42 рубля стоит. Мне он очень понравился, да и лицо от него у меня розовело. Ну а подруги мои одна перед одной хвастаются, что, мол, французский крем чудеса делает, на 10 лет моложе, витаминов там видимо-невидимо. Ну, я и не устояла, те 600 руб., что на Египет были отложены, истражила на крем. Пришла домой и сразу после сауны им и намазалась, чтобы мужу похвастаться. Чувствую, кожу аж зашипало. Думаю, вот что значит импортный, сразу действовать витамины начинают, разглаживают морщины.

Вскоре и Вася мой из гаража вернулся. Я ему дверь открыла, а он на меня смотрит, и столбняк на него нашел. Вот так минут пять стоял, а потом спрашивает: «Маша, что с тобой, ты, что ли в сауне ошпарилась?». Я, подруги, к зеркалу — мать родная, у меня всю морщу лица перекосило, глаза затекли, нос куда-то на сторону — баба-яга в натуре. Я в ванну, скорее лицо споласкивать водой, да куда там. В общем, вызвал Вася мне скорую, и загребла я в больницу. Врач аллерголог долго смеялся после моей исповеди, а потом сделали мне промывку организма, да еще много уколов. Лежу я в больнице и думаю, почему промывку мозгов не делают? Ведь своими родными кремами надо пользоваться и свою страну надо посмотреть. А вы-то, как думаете, дорогие мои подруги?

г. Череповец

ПИСАТЕЛИ ШУТЯТ

В МУЗЕЕ

Когда-то студентов литинститута возили на экскурсию в Горки Ленинские. В конце экскурсии спрашивает:

— Ну, какие у вас будут вопросы?

Все молчат. И только Николай Рубцов поднимает руку:

— А скажите, какие напитки предпочитал Владимир Ильич? Женщина-экскурсовод становится краснее кумача...

ДВЕ ПРОБЛЕМЫ

Один писатель выступает на освещении в Администрации:

— У нас в городе, как и в России, две главные проблемы. Все, здесь сидящие, относятся к первой. А дороги — ко второй.

ЗДОРОВЬЕ

Руководитель писательской организации говорит на собрании своим коллегам по перу:

— Судя по тем разговорам, которые ходят о моем здоровье, работать я буду долго.

МЕМУАРЫ

Существует книга «Анатоль Франс в туфлях и халате», она написана секретарем писателя и показывает его с неприглядной стороны. Французская газета отозвалась на это весьма краткой рецензией: «Лаксю поручили вынести ночную вазу. Он добавил по пути и собственной мочи...»

НА РАСТОПКУ

Однажды к Гоголю зашел Герострат:

— Николай Васильевич, дайте что-нибудь на растопчку!

ВОПРОС-ОТВЕТ

Говорят, что за одного Битова трех Вознесенских дают, да и то не берут.

Это правда. А за одного Ю. Кузнецова двух Битовых дают. А за одного Рубцова — двух Кузнецовых.

Тогда вопрос: сколько Вознесенских за одного Рубцова дают? Если возьмут?

ДОСЫПАТЬ

В нем неожиданно проснулся большой писатель, зевнул, посмотрел на часы и лег досыпать...

ЗАПИСКА

Писатель Н. зашпакал и написал записку: «Ухожу из жизни... Буду через 15 минут».

ЗА ВЕРСТУ

Писатель Иванов — человек приятный в обхождении — за версту.

СЕСТРА ТАЛАНТА

В одном издательстве поэту Павлу Мелехину дали на рецензию рукопись стихотворений поэтессы Пановой. Стихи Мелехину не понравились. Текст его рецензии был предельно лаконичен: «Пановой: пиши по-новой...» (В. Молчанов).

УТРЕННИЕ РАДОСТИ

В стихотворении одного начинающего сочинителя была такая строчка: «Утро мне все-го милее — утром тень моя длиннее...». Он написал это на полном серьезе.

ЮМОРИСТ

Писатель Фурманов написал, как известно, книгу о Василии Ивановиче Чапаеве. И со-всем неожиданно оказался самым большим юмористом в стране.

ПОДАРОК

Анка-пулеметчица говорит Петьке?

— Давай Василию Ивановичу на день рождения книгу подарим!

— А зачем? У него одна уже есть.

НА БАНКЕТЕ

На банкете известного писателя познакомили с банкиром. Банкир говорит:

— Мне даже как-то неуютно — давно я книгу в руках не держал. Писатель отвечает:

— Да вы не смущайтесь, я тоже денег давно в руках не держал...

УДИВЛЕНИЕ

Молодой писатель Ц. выходит из Эрмитажа:

— Никакого удовольствия! Кроме эстетического.

МЕНЯТЬ ОРГАНИЗМ

Утром после большого застолья московский писатель Михаил К. пытался поправить здоровье методом «клин клином вышибают». Но все его попытки принять внутрь спиртное не удалось. И тогда он, потеряв терпение, изрек:

— Если организм не принимает алкоголя, значит, надо такой организм менять!

ОТКРОВЕННО

Однажды в порыве откровения Евг. Евтушенко спросил Станислава Куняева:

— Правда ведь, Стас, что я великий русский поэт?

— Что великий, этого, Женя, я не знаю. А что не русский — в этом я даже уверен.

Собрал Вячеслав Белков

АНЕКДОТ ПРО ПОРТРЕТ

Шли два приятеля. Первый дразнит другого: «Боря-король» (из-за фамилии). На помойке видят книгу. А на книге ... нет, не фигу. А портрет Ельцина. Первый приятель указал на книгу: — «Вот тоже Боря-король». — Но первый приятель не выговаривает -р-, у него выходит: «коголь». Прилучившийся тут иностранец его исправил: — «Не коголь, а алко-голь». — Все смеются. Но ельцизматика (Ельцина почитатели) на иностранца кинулись ругаться. Тот вынужден выкручиваться, будто сказал: «священный король». (Ал- по-арабски священный, точнее, божественный).

г. Сокол

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

Дожили... Лауреат Гос. премии И. Лиснянская публикует такие свои стихи в «Новом мире»: «Электричество было открыто еще при Адаме и Еве: он входил в ее лоно так плотно, как штепсель в розетку...»

Больше этим странным людям нечего писать и нечего печатать. Привет розетке!..

И. В.

«В. С. По той простой причине, что, на мой взгляд, у них есть одно базовое, ценностное основание, которое невозможно изменить. Это убежденность в неполноценности русской почвы. Люди, к которым вы предлагаете обратиться с призывом если не покаяться, то хотя бы делиться, стоят, по сути, на расистских позициях. Я имею в виду не столько этнический, расовый или религиозный расизм, сколько социальный и культурный. Речь идет не о традиционном, а об относительно новом расизме. В силу своего (во многом случайного и обеспеченного не их личными заслугами) финансового и социального успеха эти люди чувствуют себя отмеченными свыше, ощущают себя избранной группой, возвышающейся над скопищем неполноценных неудачников-аборигенов. Для них русские и вообще все, кто живет в нашей стране, не более чем сор под ногами небожителей. «общечеловеков» глобального мира. Эти люди намеренно отчуждаются от России и столь же сознательно идентифицируют себя с глобальной элитой. Они построили себе запасные аэродромы на Западе, они всегда могут жить там, а Россия для них лишь средство извлечения прибыли. Предложить им поделить-ся? Да за свои капиталы они будут бороться до конца! До последнего русского!»

«М»

*Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней.*

А. Блок. «Возмездие»

Градика

РИСУНКИ А. БАШКИРОВА

Вологда

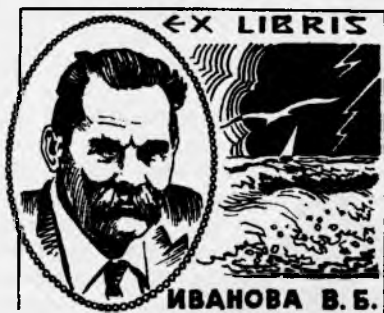
Церковь равнопр. Константина и Елены

Зап. башня Спасо-Прилучкого монастыря

ПИСАТЕЛИ В ЭКСЛИБРИСАХ В. ЧЕКАРЬКОВА

Художник живёт и работает в г. Туле.

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

28

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушнев, В. В. Попова,
О. Н. Кузнецова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей. Вячеславу Белкову

Сдано в набор 14.09.03. Подп. в печать 16.10.03.
Заказ № 560

Вологда
2003